

X 265
13

1.
Всесоюзная
Библиотека
Имени
В. И. Ленина

X 265
13

30,
дней

№4
1936
ГОСЛИТИЗДАТ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

265

13

4

1936

ДВЕНАДЦАТЫЙ
ГОД ИЗДАНИЯ

Придцать Очи

НОВЕЛЛА СОВЕТСКАЯ И
ИНОСТРАННАЯ, СТИХИ,
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРА-
ТУРНЫЙ ФЕЛЬЕТОН.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“

степь да степь кружком...

1.

Степь была разломана оврагами. Кружил по степи горячий ветер, заивал на дорогах черную, чернее сажи, пыль.

На кургане дремал, сонно озирая даи, высеченный вечностью, косматый рел.

Несжатые, и местами уже начавшие сыпаться хлеба, точно море, подступали к самым порогам хат.

Уже вторую неделю кавполк безмяжно отдыхал на затерянном в степи хуторе.

По вечерам, когда сваливала жара, и на улицах ложились густые тени тополей, политруки проводили по эскадрам занятия.

А ночами отдохнувшие бойцы с гармошкой и песнями шлялись по хутору и, лучалось, уже затевали из-за девок драки.

Командир полка Иван Чернояров, выслушивая от своего ординарца Шалима доклады о тех сварах, недовольно ворчал:

— Пора бы и за дело браться... Самый раз... У хлопцев кровь застоялась, сатанели от скуки.

Но штаб дивизии молчал.

2.

Иван Чернояров давно искал встречи со своими станичниками, что не захотели служить революции и пошли под трехцветные знамена «единой и неделимой».

И вот наконец-то, конная разведка доставила на хутор языка, от которого с точностью было вызнано о стоявшем в недалеком селе пластунском батальоне Запорожского полка.

Чернояров возликовал.

Вся подготовка к набегу была проведена в полном секрете и в кратчайший срок.

Была темная августовская ночь. Тишина нарушалась лишь редким лаем собак, да доносившимся с речки немолчным кваканьем лягушек. Небо было затянуто грозowymi тучами, и меж туч лишь где-где мерцала робкая звезда.

Трубач проиграл сбор.

Спавший до того мертвым сном хутор вмиг ожил, — в окнах хат зажелтели трепетные огоньки, захлопали двери, заржали кони, тпрукали хриплые спронеья голоса, не прошло и полной минуты, как со дворов уже вылетали всадники и устремлялись к условленному за-

ранее месту сбора — за сады, к ветрякам.

Полк выстроен.

Бубнят низкие голоса, в зубах вспыхивают раздуваемые ветром цыгарки, всхрапывают кони, чуя дорогу.

Чернояров вполголоса объясняет окружившим его эскадронным командирам и ближайшим своим помощникам предстоящую задачу.

— Из огня в плен не брать, — говорит Чернояров, сверкая в темноте огненными очами, — попал под шашку, руби.

Эскадронные разъезжаются по своим местам, подают команду, и полк трогается к речке.

Выпаивают коней на дороге, потом эскадрон за эскадроном вытягиваются за хутор, на шлях и, сопровождаемые неистовым собачьим лаем, пропадают в темной степи.

3.

Полк шел переменным аллюром.

Впереди смутно белел степной шлях, по сторонам — волнуемые ветром — шумели хлеба.

Мягко погромыхивали колеса пулеметных тачанок, звякали удила, подковы, пулеметные щиты. Ветер заглушал все эти звуки.

Время от времени из головы колонны в хвост передавалась негромкая команда:

— Не ку-ри-и-и-ть... Кашляй в шапку-у-у...

Иван, как и всегда, был впереди полка. Под ним поскрипывало новое, еще необмятое седло. Громобой — так звали его жеребца — бодро потряхивал головой, прося повода. Стремя в стремя с командиром по один бок ехал верный Шалим, по другой бок — трубач.

Иван перед боем, как перед прыжком в холодную воду, весь был собран, серьезен... Но душа его была пьяна — атака была его любимая игра. Вот уже третий год, как он непрерывно находился в огне — Персия, Украина, Кубань — он заболел дикой тоской, когда подолгу не было боев, и только после хорошего дела веселел, орал вместе с бойцами нехитрые походные песни и на дневках переплясывал самых удачных плясунов.

Так полк двигался часа два.

Засерел рассвет, но еще настолько слабо, что и в десяти шагах всадник

был еле различим.

И не было еще никаких признаков села.

«Опоздали» — эта мысль уже мела кала кое-у-кого в голове.

Вот-вот готовый вспылить Иван обнулся к начальнику конной разведки Бурульбашу и недовольно буркнул:

— Ну, где ж твой чортов курган?

— От, туточки, Иван Михайлович, шепнул старый Бурульбаш, и под бледным светом звезды блеснула вдетая его ухо серебряная серьга.

И действительно, проехав еще немного, Иван различил в указанном направлении смутный контур кургана. Он очертил собранною в руке плетью боковую петлю и тихонько свистнул.

Бурульбаш все понял.

Он крутнул коня и замешался в движущуюся конную массу, а через какую-нибудь минуту его полусотня, оторвавшись от полка, пошла наметом прямо к хлебам, обтекая курган с обеих сторон, чтобы захватить, по возможности без шума, неприятельский дозор, если там засел, да чтобы немедля выпытать у тех дозорщиков пароль.

Иван ослабил в ножнах шашку и выдернул из коробки маузер.

И следовало бы подождать Бурульбаша, но было уже некогда: заметно в начале редеть ночная темень, была дорога каждая доля минуты.

Сразу за курганом должно было быть село, и еле слышный редкий собачий брех уже доносился оттуда.

Полк остановился.

Иван отдал последние распоряжения, а сам с полусотней осторожно двинулся вперед.

И сейчас же за ним, в некотором отдалении, двинулись уже перестроенные в боевой порядок эскадроны.

В стороне кургана вспыхнул короткий крик, блеснул один-другой выстрел, там все смолкло.

И — почти одновременно — вперед испуганный окрик:

— Кто идет?

— Свои, — глухо, волнуясь, отозвался Иван.

— Пароль?

— Рубай! — подал Иван команду, выдернув шашку, ринулся с полусотней на заставу белых.

В мгновение ока застава была перрублена.

На храпящем кабардинце подскакал Бурульбаш и начал было рапортовать:

— Так, что, Иван Михайлович...

Но впереди уже слышались чужие го-

дупреждены кем-то о готовящемся набеге.

Тревога, первые — в разнбой — выстрелы.

Степь ожила.

Прямо в лоб — веером каленого го-

лоса, и некогда было слушать Бурульбаша.

Иван привстал на стременах, гаркнул:

— По-о-о-лк, шашки к бою!

Горнист повторил на рожке приказание командира.

Полк пришел в движение.

Однако, проскакав не более сорока сажен Иван наткнулся на залегшую в неглубоких окопах цепь противника: несмненно, что пластуны были уже пре-

роха — брызнул неприятельский пулемет.

Иван с полусотней, потеряв несколько всадников, отлетел в сторону.

Скачущий за ним следом эскадрон затоптался на месте, не зная то ли спешиваться и класть коней, то ли кидаться в атаку.

Полк был открыт... Успех налета заколебался, точно на острие ножа...

— По-о-о-лк, за мной!

Иван с полусотней стремглав поскакал по неглубокой ложбинке вдоль неприятельской цепи.

Эскадроны, спутав всякий порядок, рванулись за ним.

Степь загудела от конского топота.

Темнота ночи все еще боролась с рассветом.

Трещали, точно кто полотно драл, винтовочные залпы.

Пулеметы белых, видимо заранее пристрелянные, поливали шлях, на котором уже не было ни одного всадника.

Наконец — на стыке двух рот — Иван скорее угадал, чем увидел разрыв, прогал и кинулся в него со своей полусотней.

За ним, расширяя брешь, как прорвавшаяся вода, хлынул первый эскадрон, второй эскадрон, весь полк.

Полыхнуло короткое:

— Ура-а.

И дальше подхватили:

— А-аа...

Неожиданно дело приняло для пластунов дурной оборот: в самом центре своего расположения они имели целый кавполк.

Стрельба на минуту захлебнулась.

Всадники — одни направо, другие налево — кинулись по фронту, работая шашками и горланя:

— Ложи оружие!.. Сдавайся, гады!..

Но в следующее мгновение с новой силой разгорелась стрельба и — пошла потеха.

Водоворот боя.

Там, поддетый пластуном на штык, вылетел из седла Семен Зряхов, первый в полку песенник.

Тут упал с рассеченной головой, задрал рыжую бороду, пластун Яков Дубонос: то-то будет радости его семерым детишкам, когда весточка об отце долетит в станицу.

Горячая пуля чмокнула в переносицу рыбака Остапа Калайду, и осиротела его белая хатка на берегу моря, под Таганрогом.

Опрокинулся навзничь и выпучил остановившиеся глаза сотник Петро Цаберябий — пожалеет теперь о его кудрявой голове не одна молодая казачка Бейсугского юрта.

Под казаком Игнатом Забуженко кобыла сломала ногу, попав ногою между спицами колес. Игнат упал вместе с ко-

былой и, запутавшись в стремени, не успел сразу вскочить — он был затоптан конями.

Рядом с ним лег поручик Стрижевский. Еще не успеет как следует разгореться день, а по его измазанному запекшейся кровью, мертвому лицу уже поползут мухи; мухи набьются в ноздри и в полураскрытый поблекший рот, который еще так недавно и с таким азартом целовала в Армавире какая-то девчонка...

Как косарь идет, косою играя и оставляя за собой широкий прокос, так и Иван Чернояров, с молниеносной быстротой работая шашкой, прорубался через самую гущу врагов.

Вдруг он увидел на одном из возов своего родного брата Василия, того самого, что давно уже оторвался от казачьего рода и жил в городе и в городе имел свою торговлю. Стоя на возу он отбивался железной лопатой от наседавших на него Никиты Чубаренко и Петра Галагуры.

Иван метнулся к брату и закричал:

— А ну, хлопцы, осадил... Я с ним сам расправлюсь!

Чубаренко и Галагура осадили.

Василий с непостижимой быстротой выхватил из кобура наган и вскинул его.

Иван на мгновение увидел перед собой черную дырочку дула... щелкнул курок... и вот, — то ли наган дал осечку, то ли в нем уже не оставалось ни одного патрона, чего Василий впопыхах не заметил, — выстрела не последовало...

Он поднял над собою руки и дико, страшно закричал:

— Ваня... Братец...

Ударом шашки Иван выбил у него из руки наган и осекшимся, чужим голосом туго выговорил:

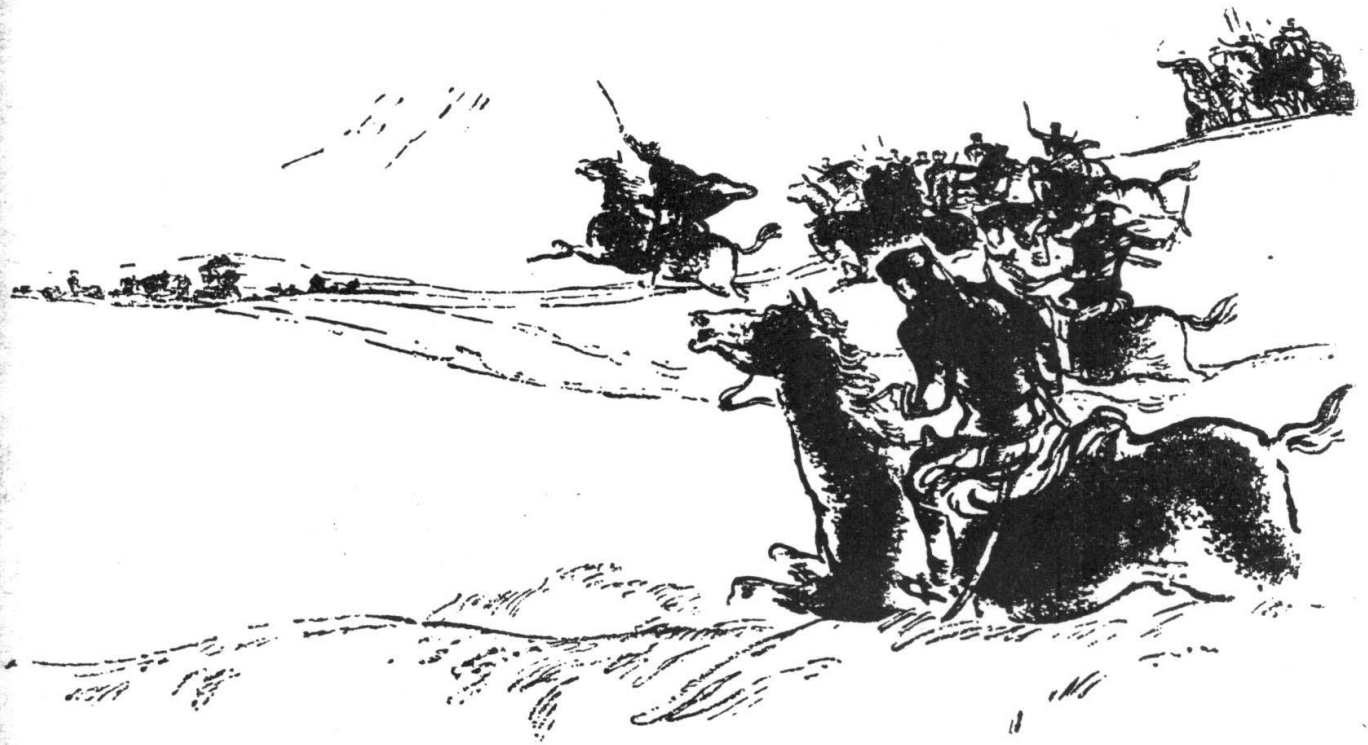
— Молись, стерва.

И тогда случилось странное...

Громобой — под Иваном — быть может, испугавшись выражения глаз Василия, что еще не так давно был его хозяином, храпел, упирался и никак не хотел подойти к нему настолько близко, чтобы того можно было достать шашкой.

Иван пришпоривал Громобоя, но все было напрасно.

А Василий Михайлович, несмотря на свою полноту, вдруг легко закружился на возу и отмахиваясь от брата руками,

точно от овода, залился каким-то ку-
дахтающим смехом:

— Ванька, не балуй... Ванька, не
лезь...

В глазах его, как пламя, вихрилось
безумие, изо рта начала клубом выби-
вать пена.

«Спятил» — мелькнуло в сознании у
Ивана.

Наконец он совладал с конем и рас-
сек брата через плечо до пояса: ключи-
ца — под шашкой — хлопнула, точно
револьверный выстрел.

Между тем, пластуны бежали куда
попало.

Кавалеристы гонялись за ними по сте-
пи и секли их клинками.

Первый эскадрон под командою Юхи-
ма Загоры уже ворвался в село, по ши-
роким улицам которого металась обозы.

Бой закончен.

Горнист играет сбор.

Отовсюду — на рысях — сгоняют
пленных, подбадривая их плетьюми и
озорно покрикивая:

— Шире шаг!

Иван спрыгнул с седла, чтобы немно-
го поразмяться и, бросив повод своего
коня Шалиму, спросил его:

— Ну, как, кунак, жарко?

— Уф, Ванушка, жарко, — ответил
тот, отирая рукавом черкески пот с за-
ветренного лица.

— Велик ли урон?

— Чотири гроба, семнадцать раненых.

Иван раскурил трубку, вскочил в сед-
ло и, с места взяв с копытка, поска-
кал в село.

Артем Веселый